

ЛИТЕРАТУРА

Роман
ИЛЬЯСОВ

Традиции и обряды иранских евреев формировались на протяжении тысячелетий. Наряду со старинными традициями, сохранившими в себе свою первозданную красоту, глубину и мудрость еврейского народа, многие традиции были переняты от местных народов. Однако в целом, хотя каждая страна и вносила свои коррективы в еврейские традиции, зачаточный еврейский корень традиций оказался настолько живуч, что существует и поныне без принципиальных изменений. Также для сравнения хочется подчеркнуть, что, в отличие от "степенных" традиций ашкеназских евреев, на культуру которых повлияли западные европейские государства, традиции восточных — сефардских, иранских, бухарских — евреев имеют такое множество забавных восточных особенностей, что почти каждая родовая сокровищница хранит одну или несколько жизненных историй, от которых можно просто помереть со смеху.

На основе этих бесценных и бесконечных историй, в наши дни люди творчества, живущие в свободных странах, обладая беспрепятственными возможностями показать нам во всей широте прелести наших старинных традиций, создают книги, театральные представления комедийного жанра и тому подобное. Низкий поклон этим людям. Благодаря им, наша история будет помниться вечно.

Сегодня я, представитель старинного еврейско-афганского рода Бассали, хочу поведать вам одну из самых забавных историй, приключившихся в нашем роду 136 лет тому назад. То будет повествование о моей бабушке Хане по прозвищу бабушка Севанча, и о моем деду Елияху.

Моему деду Елияху Бассали было тогда ровно 10 лет. Дом его родителей, отца Мошиаха из рода Бассали и матери-долгожительницы Эстер, прожившей 122 года, находился в центре еврейского квартала города Герата (Афганистан), в трёх километрах от главного торгового центра и большого базара. В те времена

в этом торговом центре, вокруг шумного большого базара, были сооружены несчётные ряды торговых лавок, в которых торговали, в основном, евреи. Товары стекались туда из многих стран. Основными поставщиками заграничных товаров были также евреи.

Испокоин веков еврейми, проживающими в различных странах и городах, налаживались межгосударственные купеческие связи, которые не только приносили огромную прибыль еврейским купцам, но также в какой-то мере стабилизировали экономическое состояние этих восточных стран с отсталой культурой. Сейчас можно смело предположить, что без предприимчивых евреев рано или поздно многие из тех стран в те времена не миновал бы экономический крах.

Отец Елияху Мошиах Бассали, который родился в городе Мешхеде (Иран), был одним из тех элитных купцов, которые через налаженные родовые каналы осуществлял экспорт и импорт товаров между четырьмя странами: Ираном, Афганистаном, Туркменией и Узбекистаном. Товары переправлялись сухопутным и водным транспортом. Например, через пустыни — на верблюдах, через реки — на лодках.

Старшие сыновья Мошиаха имели лавки в торговом центре Герата, куда, в основном, и свозился почти весь заграничный товар их отца. А десятилетний Елияху помогал своему отцу и своим старшим братьям в торговле, совмещая эту работу с учёбой.

Вечерами, после шумного, суматошного базара, весь еврейский мир был не менее оживлённым. В вечернее, послебазарное время весь еврейский квартал просто оживал на глазах. И, что характерно, основной частью этого людского потока были дети. Ведь каждая еврейская семья в среднем имела по десять детей. Иногда просто не удавалось свободно пройти через гурьбу постоянно играющих на узких улочках детей. От их веселого, звонкого, неугомонного крика и смеха стоял такой дикий гул, что нередко старики, отдыхающие в своих дворах, не выдерживали и прогоняли детей подальше от своих низких заборов, угрожающе трясая им

БАБУШКА СЕВАНЧА

вдогонку своими крючковатыми пальками.

На своей улице Елияху был первым заводилой среди сверстников. Он был самым крепким, самым шустрким и самым озорным. Он всегда был в курсе всех событий, потому что его друзья, одноклассники и соседи делились своими секретами и повседневными новостями в первую очередь с ним.

Да, Елияху являлся первым во всём... кроме одного, в чем он никогда не был не только первым, но даже и последним.

Почти что всем его друзьям когда-то — давно или недавно — посчастливилось стать непосредственными участниками такой уследительной, захватывающей и незабываемой праздничной традиции как севанча. А вот Елияху на протяжении десяти лет так и не повезло первым доставить кому-то неприятнейшую весть о рождении ребенка и получить в знак благодарности подарок — севанча.

Он всегда завидовал белой завистью друзьям, рассказывающим вечерами захватывающие истории об их первых севанча и показывающих свои дорогие дикийвинные подарки. Ждать, когда заветная мечта — получить первый севанча — сбудется, было не в характере Елияху, и он решил ускорить воплощение своей мечты действиями. Стал как одержимый носиться по всему еврейскому кварталу и расспрашивать не только своих знакомых, но и каждого встречного о том, не знает ли они женщин, кто скоро должен родить ребенка. Добыв эти сведения, он каждое утро перед школой, и каж-

дый вечер после базара пробегал по улицам квартала и интересовался, заглядывая в отмеченные им калитки, нет ли там новостей.

И вот однажды вечером долгожданный день настал. Он увидел на одной из улиц двух повитух, спешащих к дому богатого купца из рода Леви. Прислуга отворила для них калитку с резным восточным орнаментом и затворила ее на засов прямо перед самым носом Елияху. Однако всё-таки шустрый Елияху успел спросить у прислуги, когда она прикрывала дверь, дома ли дядя Леви, и получил от нее ответ, от которого заколотилось сердце:

"Дядя Леви — на базаре".

Забор был высоким — ему пришлось забраться на ствол тутового дерева и наблюдать с улицы, сидя на суку, за происходящим во дворе и в доме. Одна повитуха носилась с белыми простынями по летней веранде, другая кричала прислуге из окна спальни, что надо поскорее набрать воду из колодца и разогреть её. Ровнейшей была известная красавица Шошана — жена одного из самых богатых купцов по имени Леви из рода Леви. Елияху подполз по суку поближе к забору и, затаив дыхание, с упоением слушал неистовые вопли, доносившиеся из спальни и слушившие ему его первый севанча. Внезапно всё утихло, а через несколько секунд послышался плач ребёнка. «Какое счастье, какое счастье! — услышал Елияху голос прислуги. — У Шошаны родился здоровый, красивый ребёнок!»

«Ну вот, и дождался я наконец-то свой первый севанча! — думал радостно Елияху, поспешно сползая с дерева. — Надо быстрее бежать на базар, пока меня кто-нибудь не опередил с вестью».

Он спрыгнул с дерева и помчался что было мочи на базар. Три километра для крепких ног Елияху были пустяками. И базар он знал как свои пять пальцев. Он очень скоро нашёл там купеческую лавку Леви. Она была расположена между лавками Мусо и Исо — родителями его одноклассников. «Севанча! Севанча! — что было мочи кричал запыхавшийся Елияху, подбегая к лавке Леви. — Дядя Леви, у вас только что родился ребёнок!» — удивлённо спросил Леви. — Как? Не может быть! Моя жена ещё утром была совершенно спокойна и не почувствовала никаких родов. Мальчик, ты не перепутал? Ты точно знаешь, что это моя жена родила ребёнка?» «Да! — воскликнул Елияху. — Я знаю точно. Я только что оттуда. Ваша жена, тетя Шошана, только что родила здорового красивого ребёнка! Сейчас у вас во дворе бегают две повитухи и там ещё много других женщин. Севанча! Севанча!» «Здоровый, красивый ребёнок!» — чуть не плача от счастья, произнёс растроганный Леви.

"Мусо-о-о, Исо-о-о!" — закричал он в сторону соседних лавок. Вы слышали новость? У меня только что родился красивый, здоровый ребёнок!» «Да, да слышали, слышали, достопочтенный Леви, — закивали чёрнобородые Мусо и Исо. — Какое счастье! Поздравляем, поздравляем вас!»

«А кто родился, мальчик или девочка?» — наперебой спросили они у Леви. «Э? А действительно, кто родился, мальчик или девочка?» — переспросил Леви. Елияху застыл на месте, вспоминая, слышал ли он со двора в суматошных криках, кто был ребёнок. Вместе с Елияху застыли в мгновение Леви, Мусо и Исо.

"Ну, мальчик, ты что немой?!" — не удержавшись, воскликнул Леви. — Скажи, кто у меня родился?» «Не знаю... — сконфуженно ответил Елияху. — Я, как только услышал, что родился здоровый и красивый ребёнок, сразу же побежал сообщить вам эту приятную новость, и второпях позабыл даже узнать, мальчик ли это или девочка».

Мусо и Исо ехидно усмехнулись, услышав такой ответ, а Леви сказал: «Ну тогда, если хочешь получить хороший севанча, возвращайся, узнай, и принеси мне, как подобает нашей традиции, хорошую весть с всеобщеплюющим ответом. За приятную весть ты получишь от меня самый дорогой подарок на свете. Такой дорогой севанча, какой ты в жизни никогда не видел и больше не увидишь». «Хорошо, дядя Леви. Я принесу вам хорошую весть! Я мигом!» — ответил восторженный Елияху и тут же пустился бегом назад.

Тем временем счастливый Леви принялся вдохновенно и внимательно перебирать драгоценности на своих полках и откладывать в серебряную шкатулку подарки, предназначенные для Елияху.

«Мусо-о-о, Исо-о-о!» — закричал он в сторону соседних лавок. Вы слышали новость? У меня только что родился красивый, здоровый ребёнок!» «Да, да слышали, слышали, достопочтенный Леви, — закивали чёрнобородые Мусо и Исо. — Какое счастье! Поздравляем, поздравляем вас!»

«А кто родился, мальчик или девочка?» — наперебой спросили они у Леви. «Э? А действительно, кто родился, мальчик или девочка?» — переспросил Леви. Елияху застыл на месте, вспоминая, слышал ли он со двора в суматошных криках, кто был ребёнок. Вместе с Елияху застыли в мгновение Леви, Мусо и Исо.

"Ну, мальчик, ты что немой?!" — не удержавшись, воскликнул Леви. — Скажи, кто у меня родился?» «Не знаю... — сконфуженно ответил Елияху. — Я, как только услышал, что родился здоровый и красивый ребёнок, сразу же побежал сообщить вам эту приятную новость, и второпях позабыл даже узнать, мальчик ли это или девочка».

Мусо и Исо ехидно усмехнулись, услышав такой ответ, а Леви сказал: «Ну тогда, если хочешь получить хороший севанча, возвращайся, узнай, и принеси мне, как подобает нашей традиции, хорошую весть с всеобщеплюющим ответом. За приятную весть ты получишь от меня самый дорогой подарок на свете. Такой дорогой севанча, какой ты в жизни никогда не видел и больше не увидишь». «Хорошо, дядя Леви. Я принесу вам хорошую весть! Я мигом!» — ответил восторженный Елияху и тут же пустился бегом назад.

Тем временем счастливый Леви принялся вдохновенно и внимательно перебирать драгоценности на своих полках и откладывать в серебряную шкатулку подарки, предназначенные для Елияху.

Продолжение следует

ПОВЕСТЬ

Роман
ИЛЬЯСОВ

Продолжение.
Начало – в №527.

Заметив, чем занят Леви, Мусо и Исо стали подшучивать над ним. Первый начал Мусо: "Леви, а Леви. В честь кого ты готовишь так много подарков? Мальчика или девочку?" "В честь рождения моего красивого, здорового первенца, - гордо ответил Леви. - И назову я его Есеф – в честь моего отца". "Э? А ты уверен, что у тебя родился мальчик?" - с насмешкой спросил Исо. "Конечно, уверен, - возмутился Леви. - Моей жене гадалка сказала, что первым родится мальчик. Да это и без гадалки было очевидно. Живот у моей Шошаны был во время беременности острый и приподнятый. А это значит – к мальчику! И вообще моя жена так сильно любит меня, что не посмеет подвести. Она сама обещала мне, что сделает всё, что от неё зависит, для того чтобы подарить мне красивого мудрого мальчика, похожего на меня."

"Мы верим, что твоя жена очень старалась, но не всё же от неё зависело, - продолжал подтрунивать Леви Мусо. - Знай, что если родилась девочка, главным виновником будешь являться ты". «Не виновником, а бракоделом!» - уточнил Исо. «Что? - возмущённо переспросил Леви. - Бракоделом? Да как вам такое могло только в голову прийти? У всех членов нашего рода Леви первый, как правило, всегда рождается мальчик. Мои родители первым родили мальчика. Все мои родные братья и сестра сначала родили мальчика, и все мои дяди и тети тоже. А я что, повашему, - бракодел? Как вам не стыдно так ужасно думать обо мне? Вы видите, сколько дорогих подарков я готовлю этому мальчику за то, что он мне скоро принесёт хорошую вещь?»

Леви с показной гордостью взял с полки золотую цепочку и золотой браслет с камнями и, доложив их в шкатулку, сказал Мусо и Исо: "Посмотрите, какой севанча я приготовил. Такой дорогой подарок даже персидский шах не каждому бы подарил. А мне не жалко. Пусть этот мальчик запомнит на всю жизнь, от кого и за что он получил такой необыкновенный свой первый севанча, и рас-

скажет об этом всему Герату". Леви глянул в завистливые глаза Мусо и Исо, у которых обвисли челюсти и потекли слюнки при виде драгоценной шкатулки. И Леви самодовольно усмехнулся, что таким образом ему удалось лишить Мусо и Исо дара речи.

И вот Леви, с нетерпением и беспрерывно поглядывающий на проходы между базарными рядами, примерно через час наконец-то заметил бегущего Элияху. Видно было, что тот очень утомлён. Ещё бы! Ведь он пробежал в общей сложности 9 километров – три раза по три. Но, хотя Элияху был совершенно изнурён, Леви ещё издали заметил лучезарную улыбку, сияющую на его лице. "Смотрите, смотрите, Мусо, Исо, вы только посмотрите! - крикнул ликующе Леви, указывая пальцем на бегущего Элияху. - Смотрите на этого ангельского мальчика. Вы видите? На его лице уже всё написано".

Предчувствуя приятную весть, Леви взял в руки шкатулку, чтобы торжественно вручить её доброму вестнику и хвастливо сказал Мусо и Исо: "Ну, вы готовы? Сейчас вы услышите, кто у меня родился!"

И они действительно все услышали. "Девочка! Девочка!" - радостно кричал приближающийся Элияху. Дядя Леви, у вас родилась красивая, здоровая девочка!"

Леви, где стоял, там и сел. А Мусо и Исо стали громко хохотать.

"Дядя Леви, у вас родилась красивая, здоровая девочка! Севанча! Севанча!"

Приняв хохот Мусо и Исо за признаки радости, Элияху тоже стал громко хохотать вместе с ними. Это ещё больше насмешило Мусо и Исо и они так безудержно расхохотались, что слёзы покатились из их глаз.

Девочка! Девочка! Севанча! Севанча! - Элияху тядел на Мусо и Исо и Леви, лихо подпрыгивая, пританцовывая и давась от смеха.

"Ты ещё издеваешься надо мной? - неожиданно в леве закричал Леви. - Вон отсюда, негодяй! Чтобы духу твоего здесь не было!" Он с яростью швырнул шкатулку в дальний угол своей лавки, схватил деревянную палку, лежащую под прилавком, и размахнулся, пытаясь нанести удар по туловищу Элияху. Элияху успел отпрыгнуть на безопасное расстояние и, не понимая, что происходит, жалобно пропи-

БАБУШКА СЕВАНЧА

щал: "А севанча? Дядя Леви, где ваш обещанный самый дорогой на свете подарок? Где мой честно заработанный, самый первый в жизни севанча, о котором я мечтал всю мою жизнь?"

Элияху всё ещё не верил только что увиденному и услышанному. Вытирая с лица пот и слёзы и глядя на утихших Мусо, Исо и свирепого Леви, он пролепетал в недоумении: "Дядя Леви, вы же обещали мне севанча за хорошую весть. Ответьте мне. Где ваше купеческое слово?" "Я своё купеческое слово всегда держал, держу и буду держать! - крикнул в ответ Леви, оглядывая толпу столпившихся у лавки зевак. - Я обещал хороший подарок только за хорошую весть. А ты не только доставил мне неприятную весть, ты ещё опозорил меня на весь базар. Из-за тебя все теперь будут посмеиваться надо мной за моей спиной."

"Девочка! Девочка!" - брезгливо продолжил Леви, словно передразнивая слова Элияху. - Пошёл отсюда, негодяй! Ты запомнишь на всю жизнь теперь эту свою девочку, за которую ты хотел получить от меня севанча. Уходи! И пусть эта девочка станет тебе севанча!"

После таких слов слёзы Элияху враз высохли. Он задрожал от негодования и воскликнул: «Хорошо, дядя Леви. Я уйду. Но запомните свои слова. Вы сказали, что пусть эта девочка станет моим севанча! Придёт время – и вы будете держать ответ за свои слова и за то, что вы натворили сейчас со мной. Помните – меня зовут Элияху! И запомните своё купеческое слово, которое вы держали, держите и будете держать!» «Ах ты, сопляк! - крикнул Леви вслед уходящему Леви и яростно швырнул ему вслед свою палку – Ты мне ещё угрожать вздумал! Я запомню. Я на всю жизнь за-

помню того, кто испортил сегодня мой день и опозорил меня».

"И знайте все, что я всегда держу своё слово!" - обратился он к толпе.

Когда Элияху скрылся из виду, а толпа зевак разошлась, Леви в негодовании спросил у Мусо и Исо: "Вы видели, какой наглец этот мальчик? Позорил меня тут на весь базар, а ещё за это подарков требовал. А как угрожающе разговаривал со мной! Такой сопляк ещё, а сверкал глазами так, как гроз-

ный атаман душманов не смог бы это сделать. Кто же этот наглец? Я так был возбуждён, что даже забыл спросить какого он рода". "Не знаю, - ответил Мусо. - Такие дерзкие мальчики – редкость в еврейских семьях". "Верно, редкость, - подтвердил Исо, но тут же добавил: - за исключением рода Бассали".

"А, да, да, ты прав, - подтвердил его Мусо. - Еврейский род Бассали отличается от других еврейских семей. Они отличаются упрямством, твёрдостью, решительностью и смелостью". "И честностью", - добавил Исо. "О да, ты прав, - согласился с ним Мусо. - Особенной честностью! Я бы сказал, болезненной честностью. Не дай Б-г кому-нибудь их обмануть: Они так остро и болезненно реагируют даже на несущественную ложь, что тот человек, кто их обманет, будет для них врагом номер один на всю жизнь. И они обязательно с ним расквитаются, даже через полжизни."

А ещё их род славится тем, что в их речи совершенно отсутствуют матерные слова, а ещё они прекрасные шутники и весельчаки, и каждый из них владеет игрой на каком-нибудь музыкальном инструменте". "Да, всё это правда, - кивнул Исо, - но главная их черта – все они очень горячие и всегда дер-

жат своё слово. Вот, к примеру, однажды один мальчик из их рода поспорил со своими друзьями, что не боится черкнуть кружку мёда из дупла на дереве, где дикие пчёлы хранят свой мёд. Как сказал – так и сделал. Забрался на дерево и черпнул оттуда мёда. Правда, умер через несколько часов от укусов диких пчёл. Но слово своё сдержал!"

"А я слышал, - сказал Мусо, - что один из их рода вызвался участвовать в конских скачках, где всегда участвовали только афганцы. Что удивительно, ему каким-то образом удалось победить всех этих отпетых афганских бандюг. Правда, его за это от зависти кто-то незаметно толкнул с лошади – его придавил чужой конь, и он на всю жизнь остался калекой. Разве это еврейское дело – скакать на лошади?"

Весь род Бассали – неугомонные и ничего не боятся. Даже афганцы-душманы их побаиваются. Смотри Леви, молись Б-гу, чтобы этот мальчуган не оказался из рода Бассали. Как ты уже слышал, они очень мстительные и свое слово до гроба держат". "Ну и что, я тоже свое слово до гроба держу, - со злостью ответил Леви. - Я вижу, все вы хотите сегодня окончательно испортить мне настроение". Недовольно что-то бурча себе под нос, он стал закрывать свою лавку...

Проходили годы. Леви мечтал и надеялся на то, что судьба его рано или поздно вознаградит мальчиком. Как и полагается, постоянно посещал синагогу, молился и просил бога о сыне. Однако судьба больше никогда не наградила его не только мальчиком, но вообще ребёнком. Он часто думал, за что же Б-г к нему так немилостив. За какой же тяжкий грех, совершенный им после рождения дочери, господь лишил его счастья иметь много детей, как имеют другие еврейские семьи.

Иногда к нему приходила мысль, что, возможно, грех его заключался в том, что он проявил недовольство своей судьбой, когда первой родилась девочка, и обидел при этом невинного мальчика, которого обязан был наградить. Ему даже как-то захотелось найти того мальчика и, хоть с опозданием, но вручить ему севанча, чтобы искупить свою вину. Но, видимо, гордость не позволяла ему унизиться перед каким-то мальчишкой, и эта мысль у него быстро улетучилась.

Продолжение следует.

ПОВЕСТЬ

Роман ИЛЬЯСОВ

Окончание. Предыдущие публикации – в №№ 527, 528.

Со временем единственным утешением стала для него его единственная дочь Хана, которая с каждым годом становилась всё краше и краше и наконец, к 12-ти годам писаной красавицей. Всё духовное богатство и отеческую любовь, которые он мог подарить своим детям, он дарил своей дочери.

В 12 лет Хане справили бат-мицу, и перед родителями возникла неотложная задача – выдать дочь замуж. Дело в том, что в те далекие времена красивых еврейских девушек, достигших 12-ти лет, часто воровали афганцы. Они насильственно заставляли их принять мусульманскую веру, а потом женились на них или продавали в наложницы богатым и знатым мусульманам. Возникли эти обычаи ещё в персидской империи, во времена вавилонского пленения евреев, и из истории известно, что многие красавицы еврейки были наложницами или жёнами таких людей, даже царей. К примеру, мы это знаем из двухтысячелетней истории о чудесном спасении евреев во времена вавилонского изгнания – истории о празднике Пурим и еврейке царице Эстер. Эти душманские обычаи в скрытой форме существуют и поныне в отдельных мусульманских странах.

Итак, молва о красоте Ханы, сравнимой лишь с красотой персидской царицы Эстер, моментально разлетелась по всему кварталу после её бат-мицы. И поэтому жестокая участь стать женой богатого мусульманина могла не обойти и Хану из рода Леви. Сразу после окончания бат-мицы Леви дал знать кое-кому, что теперь его дочь – на выданье, и в доме Леви не стало такого дня, чтобы не приходили свататься люди. Кандидатами в женихи стали не только местные евреи, но и евреи других городов и даже стран, засылавшие своих герарских родственников-сватов. Однако Леви и Шошана не хотели отдавать единственную дочь еврейкам-чужеземцам. А из местных они мечтали породниться только лишь с родом Кознов или же, в крайнем случае, отдать дочь в род Леви, притом жених должен быть не менее богатым, чем они сами. Круг сузился, поэтому задача выдачи дочери замуж оказалась не такой уж лёгкой.

Слух о том, что дочь Леви-Хана на выданье, дошёл и до Элияху из рода Бассали. Ему тогда исполнилось 22 года, и он отличался среди всех местных молодых людей своей красотой и высокой духовной

культурой. Любая молодая девушка квартала была бы счастлива стать его женой. Зная об этом, его родители Эстер и Мошиах не раз вели с ним разговоры о женитьбе, предлагая сосватать прекрасных дочерей их знакомых, соседей, друзей или подруг. Но упрямого Элияху невозможно было уго-

ворить. Он всегда находил какие-то причины для того, чтобы расстроить планы родителей. Его родителям оставалось только охать и ахать, глядя на то, как вылетают из-под их носа хозяйственные, красивые девушки-аруз («аруз» означает «невестка» у афганских евреев).

И вот в один из дней, когда они уже и вовсе потеряли надежду увидеть в скором времени в своём доме прекрасную аруз, Элияху объявил своим родителям, к их величайшему удивлению, что тотов жениться. «На восточной стороне квартала живет Леви из рода Леви со своей женой Шошаной из рода Ниссана, - сказал он. - Есть у них единственная дочь на выданье по имени Хана. Вот к ним и готовьте своих сватов».

На следующий день счастливые родители попробовали подключить к сватовству самых знаменитых и влиятельных сватов и сваих их квартала, но те наотрез отказались от этого дела. «Это гиблое дело, и мы даже пробовать не станем», - объявили они. - Леви из рода Леви такой же упрямый, как люди вашего рода. Мы уже пробовали свататься, но он всем отказывает. Ходит слух, что он выдаст свою дочь только в род Кознов или Леви.

После неудачных попыток уговорить сватов обескураженные родители Элияху попытались отговорить сына от затеи сватовства с родом Леви, но Элияху был непреклонен. «Ничего не поделаешь, Эстер: Элияху – мой сын», - сказал Мошиах, имея в виду родовое упрямство. И они согласились пойти к Леви без знаменитостей, заранее зная, что будут опозорены его отказом.

«Обязательно пригласите на сватовство Мусо и Исо, - предупредил родителей Элияху. -

БАБУШКА СЕВАНЧА

Они недавно стали нашими дальними родственниками «на третьем киселе», но, что немаловажно, они прекрасно знают Леви. Их базарные лавки находятся рядом. Может быть, они как-то помогут уговорить Леви». «Отличная мысль, - согласился с сыном Мошиах. - Может быть, этот план и сработает. Может

почти каждый из них владеет игрой на каком-нибудь музыкальном инструменте. И напоследок Мусо произнёс: «Но есть в роду Бассали прекрасный юноша по имени Элияху. Он является воплощением всех тех родовых качеств, о которых мы сейчас упоминали». «А у вас достопочтенный Леви, - подхватил Исо, - есть прекрасная дочь, слава о красоте которой уже распространилась не только по всему Герату, и не только по всему Афганистану, но и далеко за пределами страны».

Все посмотрели в глаза Леви, в которых не было проявления даже малейшего интереса к сказанному. Наступило кратковременное молчание. И Мусо заговорил снова: «Однако, достопочтенный Леви, какой необыкновенный у вас зелёный чай! Он имеет специальный горьковатый привкус, утоляющий жажду в знойное время». «Однако сейчас нет зноя, - продолжил эту мысль Исо. - Поэтому не пора ли нам подсластиться – покусать сахара (канд-хори)?» «Нет, - опередил Леви Мошиах, потянувшегося за мешком сахара. - Я любитель горького чая даже в прохладные дни. Было очень приятно познакомиться с вашими родственниками, дорогие мои друзья Мусо и Исо, и так хотелось бы посидеть ещё, да что-то сегодня мне нездоровится».

Намёк все поняли. Родители Элияху опустили низко свои головы, чтобы никому не показывать свои лица, полные разочарования и позора. Леви уже собирался прочитать традиционную последнюю застольную молитву, но вдруг заговорил сам Элияху. «Дядя Леви, - уважительно произнёс он. - Позвольте мне сказать пару слов». Отказать гостю было непозволительно, и Леви устало кивнул, даже не глядя на него.

«А ведь мы с вами, дядя Леви уже давно знакомы», - сказал Элияху. «В самом деле? - удивился Леви и внимательно посмотрел на парня. - Что-то я вас не припоминаю, молодой человек». - «Просто это было очень давно, уважаемый дядя Леви, и вы про меня забыли. Но если вы позволите, я могу вам напомнить». - «Ну, напомни». - «Помните, 12 лет тому назад у вас родилась дочь? Но вы не знали об этом, потому что были на базаре в тот день». «Ну как же не помнить тот счастливый и незабываемый день?» - улыбаясь, произнес Леви. - Ровно 12 лет тому назад Вс-вышний сделал мне бесценный подарок, подарив мне ангельскую дочку». - «А помните, уважаемый дядя Леви, что вы даже не дали за неё севанча, потому что ваш ребёнок оказался девочкой?» «Ха!» - усмехнулся Леви. - Я был молод тогда и глуп и не знал, что дочь – это душа родителей, а тем более такая, как моя Хана.

Он укоризненно взглянул на

Мусо и Исо и, погрозив им пальцем, продолжал: «Это они сбили меня с толку в тот день, назвав меня бракоделом. Из-за них я обидел одного бедного, несчастного мальчика, который принёс мне добрую весть о рождении дочери, и разгневанный я даже лишил его детской радости: он не получил своей самой первой севанча». Мусо и Исо виновно пригнули свои головы и ничего не могли ответить в своё оправдание. «А вы помните, дорогой дядя Леви, имя того мальчика?» - спросил Элияху. «Помню, - ответил Леви. - А почему вы меня об этом спрашиваете? И откуда вам известна эта история? Вам кто, Мусо и Исо проболталось об этом?» «Нет, нет, - наперебой стали оправдываться Мусо и Исо. - Честное слово, достопочтенный Леви, мы никогда и никому об этой истории не рассказывали, как вы и просили». «А помните, достопочтенный Леви, - сказал Элияху, - как в тот день вы при свидетелях Мусо и Исо дали своё честное кулеческое слово тому мальчику, сказав ему: «Пусть моя дочь будет тебе севанча!»

Леви внимательно всмотрелся в глаза Элияху. Он хотел что-то спросить или сказать, но язык не слушался его, а лепетал что-то невнятное. Он не хотел верить своей годадле, и с жалким видом, весь побледневший и сникший, ждал от юноши с дерзким взглядом тех слов, которые он боялся услышать на протяжении многих лет. «Так вот, дядя Леви, если вы что-то не помните, то я могу напомнить вам. Того несчастного мальчика, как вы выразились, которого вы обещали запомнить на всю жизнь, звали Элияху. Тот мальчик и есть я! И сегодня я не пришёл кланяться руки вашей дочери, как это до меня делали другие женихи. Я пришёл забрать то, что принадлежит мне по праву! Пришло ваше время выполнить свой долг и отдать мне то, что обещали!»

Элияху умолял. Все сидящие вокруг со страхом и безмолвно глядели на него, но на Леви. Глаза Элияху сверкали так, что казалось – из них извергаются молнии. А застывшему и потеревавшему дар речи Леви казалось, что перед ним не человек, а грозное божество, которое явилось сюда, чтобы наказать его за старый грех.

Первыми нарушили крепкую тишину Мусо и Исо. «Дорогой наш друг Леви! - сказал Мусо. - А ведь юноша прав. Ты обещал и теперь обязан отдать ему свою дочь». «Да, да, да. Теперь ты должен сдержать своё слово Леви, - сказал Исо, подавая мертвецки бледному Леви пиагу с остывшим зелёным чаем. - У тебя теперь нет другого выхода».

Леви взял трясущимися руками пиагу, отхлебнул чаю и, почувствовав себя лучше, ответил: «А ведь вы правы, Мусо и Исо. Чай действительно оказался с очень горьким привкусом. Не подсластят ли его на самом деле?»